

От «человека в экономике» к «экономике в человеке»?

В англоязычной учебной литературе по экономике есть свои «большие циклы», по продолжительности приближающиеся к «волнам Кондратьева», а по моменту первой публикации приходившиеся на первую, восходящую часть каждой такой волны¹. За точку отсчета можно взять научный трактат А. Смита «Исследование о природе и причинах богатства народов (An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations)». Далее следуют «Принципы политической экономии (The Principles of Political Economy)» Дж. Милля, «Принципы экономической науки (Principles of Economics)» А. Маршалла и «Экономика (Economics)» П. Самуэльсона², после появления которого в 1948 году в экономиках развитых стран уже успел смениться очередной технологический этап

Попробуем представить себе хотя бы некоторые особенности того нового шага в экономическом образовании, который напрашивается сам собой, или, по крайней мере, попытаться проанализировать тенденции и предсказать, «как?» и «что?» должно быть представлено в учебнике следующего поколения по-новому.

Учебник: от науки к дидактике?

Вопрос «как?» относится главным образом к пропорции между научной и образовательной направленностью изложения материала. В некоем идеале, связываемом обычно с именем В. фон Гумбольдта, предполагается неразрывная связь науки и преподавания, находящая отражение и в учебнике, в том числе базовом. Если посмотреть на описанный выше ряд, то нетрудно заметить, что от гумбольдтовского идеала далеки все названные труды, хотя в каждом из них есть элементы и науки, и ее донесения до людей, ею не занимающихся и не планирующих заниматься.

Тем не менее, можно отметить, как мне представляется, устойчивую тенденцию в том, что относится к вопросу «как?»: от науки к преподаванию и далее – к обучению. Гений А. Смита позволил ему создать произведение, ставшее крупной вехой в экономической науке и в то же время доступное пониманию людей, далеких от науки вообще. «Зато читал Адама Смита...» – поэт писал о русском человеке, не имевшем экономического образования

Следующий труд, принадлежащий перу Дж. Милля, не стал такой же вехой в науке, хотя и содержал оригинальные научные разработки, сохранившие значение по сей день, и, в частности, понимание того, что все затраты являются по существу затратами упущенных возможностей³. Впрочем, сам Милль считал своим долгом поделиться с читателями не столько собственными научными открытиями, сколько тем, что появилось в науке нового после «Богатства наций», во многом устаревшего и ставшего неудовлетворительным⁴, стараясь при этом совместить популярность изложения со строго научным ходом рассуждений⁵.

¹ По сложившимся представлениям начало первого индустриального технологического уклада приходится приблизительно на 1770 год, второго – на 1830 год, третьего – на 1880 год, четвертого – на 1930 год, пятого – на 1980 год. См., например, Глазьев С.Ю., «Теория долгосрочного технико-экономического развития», М., 1993, с. 96-99.

² «До сих пор развивающаяся и все еще далекая от того, чтобы приблизиться к состоянию более или менее точной науки, экономия является древним и уважаемым занятием. По-настоящему она началась с Адама Смита – нашего истинного Адама, – который написал в 1776 году свой великий труд, названный "Богатство народов". Затем в 1848 году Джон Стюарт Милль, обладающий высочайшим IQ (коэффициентом умственного развития) всех времен, написал "Принципы политической экономии", служившие светской библией до 1890 года, когда Альфред Маршалл подготовил свои "Принципы экономики".

Было бы с моей стороны неблагодарно не испытывать трепета, видя как эта эстафета подхватывается дальше моим детищем». П. Самуэльсон, В. Нордхауз. Экономика (15 издание, 1994 г.). М. «Издательство БИНОМ», 1997, с.35.

³ М. Блауг. «100 великих экономистов до Кейнса» (1986). СП-б, 2005, с.216.

⁴ Дж. Милль, «Основы политической экономии», М. 1980, т.1, с.76.

⁵ Там же, с.77.

Если быть точным, то «после Смита» к тому времени в науке на сопоставимом с ним уровне появился только Д.Рикардо, его соотечественник и последователь. Поэтому задача у Дж. Милля оказалась намного проще, чем у А. Маршалла. Как раз в период между серединой и концом девятнадцатого века произошла «маржиналистская революция», в которой сам А. Маршалл непосредственно не участвовал. На его долю выпало попытаться синтезировать «до» и «после» революционные подходы в экономической науке, ориентируясь, прежде всего, на читателей – не ученых.

Даже по оформлению видно, что это, скорее, учебник, чем научная монография: на полях – краткий конспект содержания, внизу – обширные примечания, часто более важные в научном аспекте, чем основной текст, в конце третьего тома – математическое приложение, предполагающее знакомство с дифференциальным и интегральным исчислением. Конечно, А. Маршалл и сам многое сделал в теории, причем, в отличие от Дж. Милля, отдававшего предпочтение логике как инструменту научного исследования, А. Маршалл применял в основном математику (правда, заимствованную у физиков).

Наконец, полностью соответствует формату учебника труд П. Самуэльсона. Лишь очень малая часть сделанного им самим как ученым нашла отражение в материале, который почти не содержит формул, но насыщен графиками, выполненными в цвете⁶, таблицами с эмпирическими данными. В каждой главе – вопросы для повторения, предназначенные не для преподавателя, а для облегчения самостоятельной работы обучающегося.

Этот труд – учебник вводного уровня, имеющий две разные цели: а) подготовить будущего профессионала к восприятию и применению все более сложного математического аппарата на т.н. промежуточном уровне с тем, чтобы он мог затем, на продвинутом уровне, свободно приобщаться к переднему краю экономической науки; б) вооружить непрофессионала минимальным «набором знаний и умений, необходимых каждому, чтобы ориентироваться в развитой рыночной экономике, принимать осмысленные решения относительно своих денежных доходов и расходов.

Следует, правда, иметь в виду, что этот учебник, как и аналогичные ему учебники других англоязычных авторов, настолько велик по объему и богат по содержанию, что в нашей стране подготовка многих будущих экономистов в части теории им и ограничивается, а для очень многих людей, получающих неэкономическое высшее образование, он оказывается непосильным и/или непонятным. Более того, не секрет, что в кандидатских и даже докторских диссертациях наших соотечественников-экономистов сейчас часто в перечнях *научной* литературы по теме исследования встречаются учебники вводного уровня.

Если не обращать внимания на только что отмеченную нашу аномалию, то логичным продолжением тенденции «наука-преподавание» будет появление учебника, еще более насыщенного наглядными материалами, при этом информация не обязательно будет исключительно количественной. Современная компьютерная полиграфия позволяет без какого-либо труда создавать весьма разветвленные логические схемы, их комбинации. Очень многое (например, динамика) гораздо проще выражается в электронных версиях, чем в твердой копии.

Конечно, практически никакой науки, ее переднего края (не считая, конечно, дидактики и вообще педагогики/андрагогики), в таком вводном учебнике не будет просто в силу того, что язык экономики как науки, как и язык современной физики, математики, уже не является общим достоянием даже всех профессионалов в соответствующей области. На каждом поле, делянке – свои диалекты, поэтому достоинством этого учебника сможет стать понятность содержательных проблем без использования специализированной лексики.

Учитывая, что математическое приложение учебника А. Маршалла перешло в следующем поколении в основное содержание учебников промежуточного уровня, можно ожидать, что продолжением этой тенденции станет смещение внимания к вводной части ны-

⁶ Издания на русском языке оригинала (пятого издания) в 1964 и 1992 гг. были одноцветными, равно как и издание с авторским предисловием в 1997 г. пятнадцатого издания, написанного П. Самуэльсоном в соавторстве с В. Нордхаузом.

нешнего учебника вводного уровня. Уже сейчас заметен рост именно этой части в англоязычных учебниках, хотя основным остается «двучленка»: «микроэкономика» и «макроэкономика», расходящиеся на промежуточном уровне в отдельные дисциплины. На такую тенденцию «работают» две независимых группы факторов: внешние и внутренние. Внешние связаны с экономикой как реальностью, внутренние – с экономикой как наукой.

Все более усложняющийся мир даже в странах с развитой рыночной («смешанной») экономикой не формирует у людей «чувствования» правил ее действия, которые остается только оформить, окультурить с применением инструментария экономистов-профессионалов. На важность именно общего взгляда на экономику, выходящего за ее пределы, обращал внимание уже Дж. Милль в предисловии к первому же изданию⁷. Он же через три года, в 1852 г., в предисловии к третьему изданию сформулировал цель социального прогресса – сочетание наибольшей личной свободы со справедливым распределением плодов труда, – которая и сейчас не выглядит устаревшей точно так же, как и понимание постепенного изменения институтов («законов собственности») как фактора «улучшения человеческой природы»⁸.

Таким же внешним по отношению к предмету является уже начавшийся в мировом образовании переход к технологиям, ориентированным на компетентностный подход. Его главный смысл – превращение в массовое «дело» красивых старых «слов»: «обучающийся – не столько сосуд, который надо заполнить, сколько факел, который надо зажечь».

Не менее двух из четырех базовых компетенций любого современного образования, как общего, так и профессионального – «обучение быть» (learning to be), то есть овладение способностью существовать осознанно, самостоятельно, суверенно, и «обучение жить вместе» (learning to live together), то есть овладение способностью общаться в мультикультурной среде – имеют самое прямое отношение к экономике как «предмету освоения». Дело не только в том, что суверенитет каждого экономического агента при принятии им решений – одна из аксиом поведенческой модели современной экономической теории, а мультикультурность – ее естественное следствие в теории и исходное состояние отношений обмена на практике. Глобализация, трансконтинентальный обмен – это не только доминирующая тенденция современной экономики, но и феномен, впервые появившийся уже несколько тысяч лет назад.

Сами эти понятия – суверенитет, культура – экономистами-профессионалами пока только используются. Обычный образованный человек сейчас должен понимать, каково экономическое преломление, содержание этих понятий, но он совсем не обязан осваивать «птичий язык» экономистов. Как и в пользовании компьютерами, имеется явная общественная потребность в «дружественной оболочке»: с виду – на обычном языке, на самом деле – внутренне структурированной, определенной.

Не надо забывать и о том, что оборотной стороной резкого роста массовости высшего образования является понижение среднего уровня подготовленности студента к использованию математического аппарата.

Таковы, как представляется, внешние факторы расширения «введения к введению» в экономическую теорию, даже к превращению его в отдельный, автономный текст.

Внутренние факторы связаны с возросшей активностью научного изучения институциональной динамики, растущим осознанием несовершенства традиционных количественных экономических показателей как индикаторов качества жизни, естественным для любой науки «углублением в основание».

Строго говоря, нет «фундаментальности», о которой мы сами часто пишем, как некоего *состояния* «подлинной науки», а есть фундаментализация: *процесс*, без которого, действительно, наука обречена переродиться в нечто иное – в чисто прикладное знание.

⁷ «В своих практических приложениях политическая экономия неразрывно переплетается с многими другими отраслями социальной философии. Если не считать сугубо частных проблем, то едва ли найдутся практические вопросы, даже стоящие по своей природе ближе всего к чисто экономическим, которые можно решать, основываясь лишь на одних экономических посылах». Цит. соч., с.76.

⁸ Там же, с.78.

Очень нужное, но не более того. И даже не в знания, а в информацию, хранимую и используемую без участия самого человека.

Пример такого знания-информации дает столь любимый нами, экономистами, эталон науки, как физика: законы оптики, открытые несколько веков назад. Они имеют самое широкое применение в разнообразной бытовой технике, начиная с современных мобильных телефонов, но вряд ли можно назвать по именам тех специалистов, которые «сами» рассчитывают технические характеристики конкретных линз подобных предметов широкого потребления.

Впрочем, то же самое можно сказать почти о каждом законе природы и общества, нашедшем практическое применение и заложенном в тот или иной пакет компьютерных программ. Такой фундаментальный для экономической теории и значимый для практики параметр, как «внутренняя норма рентабельности (доходности)», сейчас входит в состав стандартных функций табличного редактора Excel⁹, который, в свою очередь, входит в стандартный минимум компьютерной грамотности выпускника обычной средней школы.

Похоже, что логичным завершением тенденции «наука-преподавание» было бы появление учебного материала, не имеющего внешних признаков традиционной «фундаментальной» науки и не имеющего адресатом преподавателя. Это будет, скорее, путеводитель для обучающегося. В случае с экономикой в него войдет материал, предполагающий определенный уровень общей культуры обучающегося, его владение всеми основными предметами школьного образования, а также его личную заинтересованность в добавлении к имеющимся знаниям и в тесной с ними увязке еще и современного экономического взгляда на мир. Этот взгляд можно обозначить как «экономика в человеке». Если чуть подробнее – экономика в жизни человека, общества, как часть этой жизни.

Вряд ли экономика как наука заслуживает большего внимания со стороны обычного человека, потребителя научных знаний, чем физика. А ведь физика, в отличие от недавнего прошлого, измеряемого всего несколькими десятилетиями, сейчас находится, можно сказать, на периферии общественного внимания.

Сказанное в предыдущем абзаце не должно восприниматься как некий антинаучный выпад. Скорее, правильное было бы говорить о том, что чрезмерное педалирование науки, сайентизм (или «сциентизм» - как принято писать у экономистов?), ставший спутником Нового времени, промышленной революции и во многом доминировавший в индустриальном обществе, начинает уступать место более уравновешенному соотношению трех «ребер жесткости» европейской культуры, включающей в себя, помимо науки, также философию и религию. Каждое из них отражает свой аспект парадигмы «субъект-объектного» подхода жизни, свойственного именно европейскому семейству цивилизаций.

Будет также логично, если этот вводный учебник окажется свободным от культурного европоцентризма, который вряд ли может гармонично совмещаться с глобальной экономикой.

Учебник: с чего начинается экономика?

А теперь посмотрим коротко на другой тренд в рассматриваемой линии учебников, который относится к вопросу «что?». В исходном пункте ответ на вопрос «что?» дан уже в названии труда А. Смита: «богатство народа», иными словами – мир вещей, составляющих это богатство. Причем в первых же главах в качестве средства увеличения этого богатства выступает разделение труда. Первая глава так и называется: «О разделении труда

⁹ В англоязычной версии – функция «IRR», в русифицированной – функция «ВНДОХ». В справочной системе этого пакета приводится числовой пример расчета для ресторанного бизнеса, который помогает любому способному думать человеку понять смысл этого показателя без какого бы то ни было приобщения к экономической теории или хотя бы к специальной экономической терминологии в формате т.н. формального обучения (formal learning), то есть обучения в учебном заведении «под документ об академической квалификации».

(Of the Division of Labour)»¹⁰. Тем самым была задана не меньше, чем на век, траектория содержания экономики как науки: *субъект*=человек (Labour) – всего лишь средство, а вещное богатство=*объект* (Wealth) – цель¹¹.

Отсюда и выражение: «человек в экономике». Предлог «в» в данном случае сам собой ориентирует (или даже нейролингвистически программирует?) на то, что, во-первых, мы имеем дело с конструкцией «часть – целое» и, во-вторых, целым является экономика, а частью – человек.

Хочу специально подчеркнуть – это взгляд профессиональный, узкоспециализированный, сам уже подвергшийся операции «разделения труда», разделения человека. Вся европейская наука Нового времени пошла за хозяйственной практикой в том, что касается как раз разделения труда. Разумеется, не могла этого избежать и экономическая наука. В этом и сила ее и слабость, как и любой другой науки. Но в случае с экономикой насилие над природой особенно велико: расчленение целого на части убивает целое (не случайно говорится: «части есть только у трупа»). Объектное рассмотрение субъекта – это что-то похожее на «горячий лед». Но другого пути у «чисто научного» способа познания нет.

Разумеется, сам А. Смит прекрасно понимал ограниченность сугубо профессионального взгляда на экономику. Именно он задолго до «Богатства народов» написал «Теорию нравственных чувств» (1759) и, судя по опубликованному не так давно (Университетом Глазго в 1976-81 гг.) наследию, стремился создать всеобъемлющую систему общественных наук¹².

Но традиция была заложена, и следующий в рассматриваемом ряду труд – «Принципы политической экономии» Дж. Милля – структурирован строго по логике «жизни вещей»: Книга I. Производство; – Книга II. Распределение; – Книга III. Обмен».

Эта традиция оказалась настолько сильна, что даже полвека с лишним спустя, в другой стране и с оговорками против такой «вещной ориентации», представителем иной культурной традиции был написан учебник, имевший почти ту же структуру: «Общее учение о народном хозяйстве – Производство – Обмен – Распределение – Капиталистическое хозяйство в целом»¹³.

Более того, «Капитал». (1867) К. Маркс начинает словами: «Богатство обществ, в которых господствует капиталистический способ производства, выступает как «огромное скопление товаров», а отдельный товар – как элементарная форма этого богатства. Наше исследование начинается поэтому анализом товара»¹⁴. Если взять учебник уже следующего, двадцатого века, но идейно опирающийся на только что процитированный труд, то и в нем первые же страницы посвящены человеку как причине («средству») появления благ:

¹⁰ Можно было бы добавить: механическое разделение труда, чтобы отличать его от разделения труда в семье, традиционной общине.

¹¹ «Люди не являются богатством для самих себя, хотя и служат инструментом его приобретения». Милль, цит. соч., т. I, с.90. Механическая инструментальность, служебность человека, проявляющаяся в подобных высказываниях, производна от индустриального общества, подмятого под себя экономикой. Её подспудное давление можно заметить и в механическом, бездумном дублировании роли знаний в расхожих выражениях: «экономика, основанная на знаниях», «общество, основанное на знаниях», хотя, казалось бы, речь при этом идет о постиндустриальном, информационном обществе.

¹² Блауг, цит. соч. с.279-280.

¹³ М.И.Туган-Барановский, «Основы политической экономии» (1909), М. 1998, с.34: «Английские экономисты обычно исходят из понятия не хозяйства, а богатства, определяя политическую экономию как "науку о богатстве". Французы в большинстве своем следуют примеру англичан, и только немцы выдвигают на первый план понятие хозяйства. Но понятие богатства уже потому непригодно для такой центральной роли в экономической науке, что под ним подразумевают внешний результат хозяйственной деятельности – совокупность имеющих ценность (хозяйственных) предметов – между тем как политическая экономия изучает самую эту деятельность и возникающие в ее пределах общественные отношения... Вот почему следует признать существенным улучшением точку зрения немецких экономистов, имеющую все шансы стать господствующей».

¹⁴ К Маркс, Ф Энгельс., Соч., т. 23, с.43.

«Введение. Предмет и метод политической экономии. §1. Процесс труда. §2. Производство, обмен, распределение, потребление...»¹⁵.

Между тем, было бы ошибкой считать, что упомянутые выше экономисты ничего в человеке, кроме фактора производства внешних вещей не видели. О позиции А. Смита уже говорилось. Что касается Дж. Милля, то вслед за названными выше книгами, целиком обращенными к жизни вещей, в его учебнике следуют еще две книги¹⁶, в которых он все большее внимание уделяет именно людям. Кроме того, современные методологи отмечают его сверхвысокий интерес к темпам роста народонаселения как по сути дела основному «конечному результату» любых политических решений, в том числе и экономического характера, хотя он и представляется им «окончательно устаревшим» или казался таковым около двадцати лет назад¹⁷.

Единственное, но весьма существенное для того времени проявление человека в экономической теории, обращенной к вещественному богатству, это попытка за количественными соотношениями в обмене отдельно взятых вещей увидеть количественные соотношения отдельных же «затрат труда» людей, попытка создать трудовую теорию явлений в сфере обмена. Эта раздельность, отдельность «затрат труда», заданная уже первой главой труда А. Смита, получила логичное завершение в описании особенностей «абстрактного труда» К.Марксом¹⁸. Нетрудно заметить, что обычно перечисляемые «расходуемые элементы» – нервы, мускулы и т.п., к которым можно было бы добавить кровь, здоровье, саму жизнь (точнее, смерть, ведь уже самым первым охотникам приходилось рисковать собой, а многие массовые профессии и сейчас остаются смертельно опасными), – это «части» отдельных индивидов, чего-то неделимого «по определению». Даже если бревно несут двое, их «расходы» не поддаются суммированию: потеет, устает каждый «сам за себя». Переход от этих «расходов» к «затратам времени» – это своего рода прыжок через пропасть от одного, отдельно взятого индивида, к обществу в целом. Прыжок, правомерность которого стоило бы обсудить отдельно.

Однако и время как нечто «затрачиваемое» оказалось весьма неудобным «материалом» для теоретизирования. Оно, время, «затрачивается» совершенно независимо от того, что о нем люди думают, как они его «используют», где проводят границу между «трудом» и «досугом», в рамках которого все так же, если не больше, расходуются нервы, мускулы и все остальное, и проводят ли эту границу вообще. Поэтому было бы правильнее говорить не о «затратах времени», а об упущенных, точнее, отвергнутых вариантах его проживания, которые и представляют собой «затраты» по отношению к имеющемуся вещному «результату»¹⁹.

«Богатство народа», о котором говорил А. Смит, – это средство продолжения его существования, а не только текущего ублажения прихотей, желаний отдельно взятых индивидов. Иначе говоря, жизнь вещей, входящих в состав этого богатства, представляет собой часть жизни людей, точнее – народа, еще точнее – человеческого рода. Этот взгляд на экономику, совершенно естественный для любого непредвзятого человека, пока что чужд многим экономистам–профессионалам. Его отличает масштаб объективности, который

¹⁵ Курс политической экономии (под ред. Н.А. Цаголова, изд. третье), М. 1973, с.818.

¹⁶ Книга IV «Влияние общественного развития на производство и распределение», особенно последняя глава: «О вероятном будущем трудящихся классов». Книга V «О влиянии правительства».

¹⁷ «Но в одном важном отношении "Принципы" Милля безнадежно устарели, а именно, в упорном настаивании на том, что каждая возможная политическая мера должна быть оценена в терминах ее влияния на темпы роста населения". Блауг, цит. соч. с.217.

¹⁸ «Как портняжничество, так и ткачество, несмотря на качественное различие этих видов производительной деятельности, представляют собой производительное расходование человеческого мозга, мускулов, нервов, рук и т.д. и в этом смысле – один и тот же человеческий труд» Маркс, цит. соч., с.52-53.

¹⁹ Строго говоря, такой ход мысли – сравнение вариантов – был заложен по сути уже Д. Рикардо в его анализе сравнительных издержек в международной торговле. Производить или покупать (to do or to buy): в конкретных условиях Британии первой четверти XIX в. критический анализ хлебных законов стал первым применением именно современного взгляда на экономику глазами теоретика. Результатом стало превращение этой страны в «мастерскую мира», закулававшую большую часть продовольствия за рубежом.

заставляет иметь в виду коллизия «часть – целое» в паре: «индивид – вид». Это, видимо, пока считается ими слишком большой роскошью²⁰.

Кроме того, объективность бытия внешних вещей – благ – как отправного пункта экономического теоретизирования ведет к тому, что и причина этого бытия – человек трудящийся – предстает только своей объективной стороной. Как правильно было замечено, веществу природы человек в этом качестве сам противостоит как сила природы, не более того. Поэтому следующие сразу вслед оговорки типа: «мы предполагаем труд в такой форме, которой он составляет исключительное достояние человека»²¹ положения не спасают.

Из двух различающихся последовательных этапов целенаправленной деятельности – постановка цели (принятие решения) и движение к ней (исполнение решения) – только второй объективен, точнее, объектен, материален. Но он при этом совсем не специфичен, не требует участия именно человека. В качестве средства воздействия на силы природы человек может и с успехом использует другие силы природы, по возможности исключая себя самого из этого процесса²².

Следующим крупным шагом вперед во второй половине позапрошлого века как раз и стала попытка включить в «что?» экономической теории хотя бы элементы человеческой субъектности, принятия людьми решений по использованию ресурсов, хозяйствованию. Собственно, именно в этом и состояла содержательная сторона маржиналистской революции, хотя математическое оформление его во многом затемняло, а то и просто искажало²³.

Учебник, резюмировавший эту революцию, имеет уже совсем другую структуру. Из шести книг, составляющих «Принципы экономикс» А. Маршалла, первые три являются новыми по содержанию²⁴. Первые две имеют технические названия²⁵, а третья называется: «О потребностях и их удовлетворении». Только с четвертой книги начинаются традиционные названия, привязанные к жизни вещей: «Факторы производства (земля, труд, капитал и организация)», «Отношения спроса, предложения и стоимости», «Распределение национального дохода»²⁶. Конечно, эти книги по объему чуть ли не в пять раз больше первых трех. Но шаги в сторону человека были сделаны именно в этом учебнике.

²⁰ Причина, возможно, в том, что при таком масштабе вещьность становится эфемерной. Появляется необходимость в равной мере учитывать оба элемента в паре: «вещь – процесс». Первичность процесса жизни народа по отношению к миру вещей, обслуживающих этот процесс делает жизнь этих вещей инобытием совсем другой жизни. В свою очередь, повторяемость жизненных процессов с участием вещей позволяет применять техники мышления, уже давно применяемые для работы с циклическими процессами.

²¹ Маркс, цит. соч., с.188-189.

²² Достоянием человека является, скорее, целеполагание. Причем далеко не всякое целеполагание, как показывает уже наше время. «Двухфазный» тип деятельности, включающий обмен информацией, имеется даже у пчел. Сравнивая поведение животных и человека, включая древнего, ученые приходят к выводу, что четко фиксируемое различие состоит в наличии или отсутствии у наблюдаемых религиозного чувства, проявляемого в частности, в жертвоприношениях – очень специфическом виде объективных «затрат», не имеющих объективным же следствием вещные результаты.

²³ Функция Лагранжа (условного оптимума), которая до сих пор предельно широко используется в экономической теории для описания рационального поведения людей, это инструмент, издавна применяемый физиками для описания движения тел, совершенно лишенных способности принимать решения.

²⁴ Чтобы не быть голословным, приведу названия первых параграфов первой главы первой книги: §1. Экономическая наука – это одновременно исследование богатства и часть исследования человека. История человечества формировалась под влиянием религиозных и экономических сил. §2. Вопрос о том, неизбежна ли нищета, представляет наибольший интерес для экономической науки. §3. Эта наука в основном получила свое развитие в новейшее время. §4. Конкуренция может быть созидательной или разрушительной: даже когда она созидательна, она приносит меньше пользы, чем сотрудничество. Но коренные черты современного предприятия составляют свобода труда и предпринимательства, самостоятельность и предвидение.

²⁵ Книга I. Предварительный обзор, Книга II. Некоторые основные понятия.

²⁶ Один из параграфов пятой главы шестой книги имеет очень актуальное и сегодня наименование: §2. Выбирая профессию для своих детей, родители должны заглядывать на целое поколение вперед; трудности предвидения будущего.

Одним из таких шагов, причем сделанных на математическом поле, является показатель эластичности. Его общее определение – процентное соотношение изменений аргумента и функции – применимо где угодно, в любой области науки и практической деятельности. Но сама идея соотносить изменения не сами по себе, как это обычно делают физики, а в привязке к конкретной точке в системе координат, рассматривая как её (точки) свойство, это идея глубоко человеческая по происхождению. Человек меняется. Он сравнивает себя не с другими телами, а с самим собой – бывшим. Самоизменение – это, математически, и есть изменение в долях, процентах. Латинский термин «*inter-est*» здесь очень уместен и даже жаль, что он затем очень прочно закрепился как характеристика свойства изменчивости только одного экономического объекта – капитала. Строго говоря, все так называемые «реальные величины» в экономике (ВВП, заработная плата, процент) – это особым образом определяемые, рассчитываемые отражения действительно наблюдаемых «номинальных» величин, принимаемых за «зеркало», «рефлектор» величин тех же самых явлений, процессов.

Что же касается не математической формы, а экономического содержания, то субъектное начало во многом оставалось под сильным прессом объективного²⁷. Говоря языком профессионалов, условия совершенной конкуренции – это как раз ситуация, когда ничья воля не определяет цены на рынке, все экономические агенты – и покупатели, и продавцы – выступают как «ценополучатели», а не «ценоустановители». На языке непрофессионалов это выразил в то же время М.И. Туган-Барановский: «Цена возникает как результат столкновения множества интересов противоположного характера, благодаря чему каждый отдельный интерес бессилён определить цену»²⁸.

Следующий шаг в сторону более полного и явного учета поведения экономических агентов был сделан только в следующем учебнике, последнем в рассматриваемом ряду. Речь идет о дополнении анализа рынка совершенной конкуренции всеми типовыми «отклонениями» от нее – монополией, олигополией, монополистической конкуренцией, а также о количественном анализе роли государства в экономической жизни, значительно усилившейся во всех странах именно в первой половине прошлого, двадцатого века.

Однако и здесь, в этом учебнике, человек остался все-таки на периферии по сравнению с вещами, специфика его как субъекта хозяйствования осталась без адекватного учета. Чтобы в этом убедиться, достаточно коротко рассмотреть только два-три самых первых сюжета этого учебника: основные проблемы экономической организации, закон редкости и кривая производственных возможностей общества.

Учебник П. Самуэльсона: что уже «не так»?

Отметим для начала, что и в довольно длинном определении экономической теории в первых изданиях,²⁹ и в предельно лаконичном в последних³⁰, в центре внимания оставляется мир вещей. Главное – редкость благ, объектов. Разумеется, редкость относительная – по сравнению с желаниями людей, субъектов. Иначе говоря, гипотеза о бесконечности желаний субъектов-индивидов – абсолютно необходимая для существования экономики как науки. Так считает не только П. Самуэльсон³¹, но и едва ли не все профессионалы.

²⁷ Специальному рассмотрению монополии в учебнике А. Маршалла было уделено внимание всего в одной небольшой главе XIV книги V.

²⁸ Туган-Барановский, цит. соч. с.31, и далее (с.32): «Народное хозяйство тем существенно отличается от единичного хозяйства, что единичное хозяйство регулируется волей и сознанием отдельного хозяина. Напротив, народное хозяйство не имеет хозяина, оно есть стихийный и бессознательный продукт взаимодействия всего множества регулируемых индивидуальными сознаниями единичных хозяйств».

²⁹ «Экономическая теория есть наука о том, какие их редких производительных ресурсов люди и общество с течением времени, с помощью денег или без их участия, избирают для производства различных товаров и распределения их в целях потребления в настоящем и будущем между различными людьми и группами общества». П. Самуэльсон, Экономика. М. Алгон, 1992, т. I, с.7.

³⁰ «Экономика (экономическая теория) – это наука о том, как общество использует редкие ресурсы для производства ценных товаров и распределения их среди людей», Самуэльсон, Нордхауз, цит. соч., с.48.

³¹ «Из-за безграничности потребностей важно, чтобы экономика максимально использовала свои ограниченные ресурсы», Самуэльсон, Нордхауз, цит. соч. с.48.

Между тем, в самой экономической теории есть альтернативный вариант рациональности, использующий тот же математический инструментарий, но не нуждающийся в столь сильной гипотезе: минимизация затрат на получение определенного результата.

Если на минуту непредвзято задуматься – что такое редкость блага как ресурса, средства? Она возможна только по отношению к цели. Нет определенной цели – нет потребности в средстве, нет и оценки имеющегося блага как редкого, недостаточного для достижения цели. Оно ведь может оказаться и достаточным.

Строго говоря, есть только одно благо, которое поддается рассмотрению без привязки к конкретным целям – деньги³². Но их ограниченность, редкость в современном мире «кредитных денег» весьма сомнительна.

Интересно нами, «профессионалами», доказываемая всем остальным наша необходимость: «от противного». Если предположить, что люди достаточно мудры, чтобы не желать больше того, что реально возможно, то всем всего будет хватать, «цены и рынки стали бы неуместны»³³. Не нужны в таком случае и мы.

Значит? Да, значит, будем исходить из предположения, что желания безграничны. Под этот вариант и понимание эффективности можно подвести сугубо профессиональное, «редкостное», ничего общего с целевой деятельностью не имеющее: «Экономика работает эффективно, если она не может произвести больше одного блага, не производя при этом меньше какого-либо другого блага»³⁴.

Обратите внимание, коллеги: «экономика работает». Как субъект или как объект? Формально – как субъект, который что-то может, чего-то не может. А на самом деле?

Давайте вдумается в три вопроса, с которых вслед за живым классиком экономической теории и ее преподавания мы начинаем знакомить с нашей наукой: «*Что* (производить)?», «*Как* (производить)?», «*Для кого* (производить)?». Кто задает эти вопросы на самом деле и кто на них дает ответы? Перефразируя Гоголя: «Экономика (Economics), дай ответ! Не дает ответа!». Эти вопросы вообще вне экономической науки и имеют в данном учебнике сугубо дидактический характер.

Присмотримся к придуманной П. Самуэльсоном модели – «Кривая производственных возможностей» – и зададимся естественным вопросом: это модель какой экономики – моносубъектной или полисубъектной? Или, что почти то же самое, – командной или рыночной? В первых изданиях учебника эта модель используется для комментариев к функционированию экономик обоих типов³⁵. В более поздних никаких следов возможного ответа нет. Можно подумать, что события в экономиках рыночного типа, полисубъектных, вполне поддаются комментированию, объяснению с помощью этой модели.

Так ли это?

Обычные комментарии идеи альтернативных издержек при перемещении вдоль кривой производственных возможностей предполагают по умолчанию моносубъектность: наличие одного и только одного лица, принимающего решение, которое и сравнивает изменения прироста одного вещного результата в увязке с изменением другого.

³² «Деньги – единственная форма богатства, пригодная не для какого-нибудь одного лишь конкретного употребления, а для всякого употребления вообще», Милль, цит. соч., с.86.

³³ Самуэльсон, Нордхауз, цит. соч. с.48.

³⁴ Там же. В целевой деятельности эффективность определяется соответствием результата поставленной цели. Сравнение «факт – план» красной линией проходит через любое хозяйствование, а не только именуемое "плановым". Для полноты картины стоит добавить, что и сами цели могут быть разного качества, а потому более или менее эффективными с точки зрения более фундаментальной, чем конкретное целеполагание.

³⁵ «В силу чего США смогли стать с 1940 г. "арсеналом демократии" и в то же время достигли более высокого, чем когда-либо раньше, жизненного уровня?

Главным образом в результате использования бездействовавших материальных и людских ресурсов. С другой стороны, гитлеровская Германия начала готовиться к войне еще с 1933 г.... Военным приготовлениям предшествовал период безработицы... В качестве третьего примера можно привести опыт Советского Союза в период второй мировой войны. Русские почти не знали безработицы... у них не было иного выбора, кроме перехода с гражданского производства на военное». Самуэльсон, цит. соч. т. I, с.20.

Попробуем теперь рассмотреть совместное хозяйствование двух соседних, то есть способных вступать в отношения обмена результатами, моносубъектных экономик. Предположим для простоты, что производственные возможности каждой описываются прямыми линиями с разным углом наклона, обеспечивающим заинтересованность в обмене результатами в соответствии с принципом сравнительных преимуществ. На рис. 1 представлены стандартные представления о производственных возможностях каждой такой экономики в отдельности и их простой математической суммы (сложение векторов).

Можно подумать, что ломаная кривая на рис. 1в – это и есть кривая производственных возможностей новой, двухсубъектной экономики. Это абсолютно ошибочное представление. Ломаная кривая – это линия производственных возможностей моносубъектной экономики, в которой нет места ни для одного из ранее действовавших субъектов, если не считать случая, когда один из них полностью подчинил себе другого. Он и будет решать – что делать, как и для кого.

На рисунках 2 и 3 описан вариант, когда у каждого субъекта одновременно и сохраняется суверенитет в принятии решений, и повышается благосостояние. Нетрудно заметить, что точка равновесия находится внутри «векторной суммы» производственных возможностей, хотя и ближе к ней, чем при отсутствии рыночного взаимодействия, добровольного взаимовыгодного обмена. Иными словами, производственные возможности полисубъектной, рыночной экономики, зависят не только от собственно технологических характеристик способов использования имеющихся ресурсов, но и институциональных ограничений на принятие решений, особенно совместных, к коим относятся и решения об обмене благами.

Рис. 1 Алгебраическое суммирование производственных возможностей.

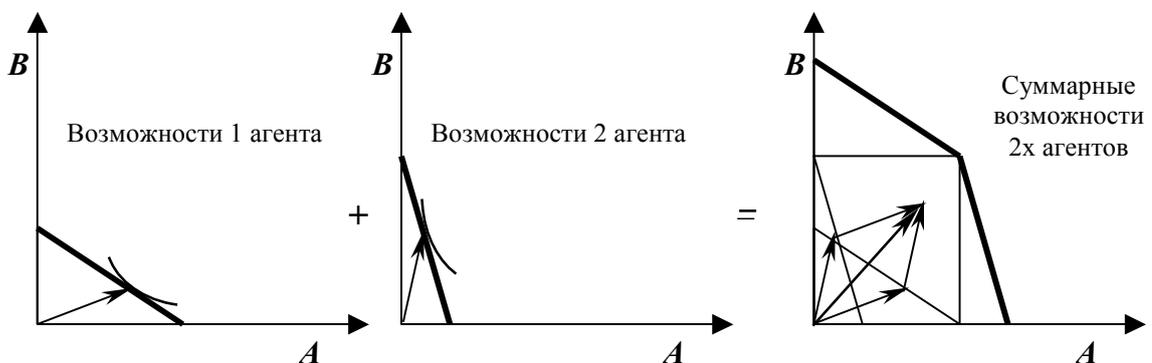

Рис. 2. Исходные – автономные – уровни благосостояния (потребления благ) агентов

Столь же просто снимается иллюзия однозначности величины альтернативных издержек, создаваемая плоским, двумерным видом модели «кривая производственных возможностей». Уже переход к трехмерному варианту полностью исключает какую-либо

определенность. В этом случае изменение любой переменной может сопровождаться бесконечным числом вариантов изменений остальных.

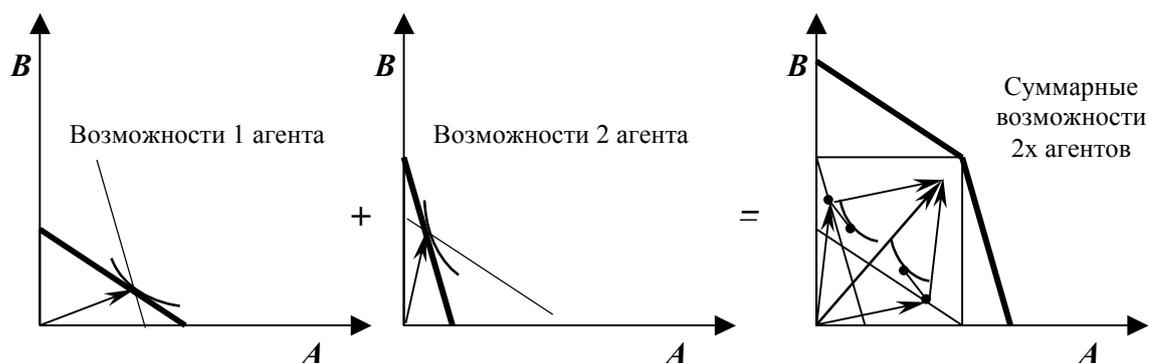

Рис. 3. Конечные уровни благосостояния агентов в полисубъектной экономике

В предисловии к 15 изданию, написанном в 1994 году, П Самуэльсон представляет три новые темы, актуальные в ожидаемом будущем: «экономика окружающей среды», «экономика здравоохранения», «международная экономика». Первые две из них гораздо более прямо связаны с жизнью человека, чем просто «богатство». Тенденция по включению экономики в мир людей этим не исчерпывается. Достаточно напомнить, что современные макроэкономические модели уже промежуточного, а не только продвинутого уровня, опираются на идею последовательно сменяющихся поколений людей. Понимание человека не только как средства, но и цели экономики становится все более органичным для самой экономической науки. Экономика должна быть не только экономной (=рациональной), но и человеческой. Иначе – зачем она?

По-видимому, приходит время, когда вводную часть к учебникам экономики можно писать одновременно и более человечно, и ближе к переднему краю самой науки, чем это пока делается.